

Arthur Feiler. Das Experiment des Bolschevismus. Frankfurt a/M. 1929. S. 270.

Появившаяся въ концѣ 1929 г. небольшая книга одного изъ редакторовъ газеты «Frankfurter Zeitung» Артура Фейлера подъ заглавиемъ: «Большевистскій Экспериментъ», имѣла въ Германіи большой успѣхъ. И надо признать, что успѣхъ этотъ заслуженный.

Книга является результатомъ поѣздки, совершенной авторомъ въ мартѣ по іюнь 1929 г. Авторъ обнаружилъ въ своей книгѣ совершенно исключительную наблюдательность, умѣние уловить самыя существенныя черты столь запутанной и для иностранца весьма загадочной русской дѣйствительности и въ нѣсколькихъ характеристич. фактахъ и картинахъ ее отобразить. Столь обычныя у иностранцевъ, впервые посѣщающихъ Россію, ошибки или даже прямо неаппости въ книгѣ Фейлера совершенно не встрѣчаются. Онъ сумѣлъ кратко резюмировать всю проблематику русской революціи.

Но, что должно быть вымѣнено въ особую заслугу Фейлеру, такъ это тотъ фактъ, что, принадлежая къ тѣмъ радикальнымъ кругамъ германской интеллигенціи, которые одержимы, какъ Фейлеръ самъ выражается, «павсомъ революціи», революціи, какъ таковой, онъ сумѣлъ сохранить строгую объективность при характеристикѣ русской дѣйствительности.

Какъ Фейлеръ самъ пишетъ въ предисловіи, его впечатлѣнія о русской дѣйствительности «потрясающи». Картина, которую онъ рисуетъ, весьма неблагоприятна.

«Соціализмъ есть богатство, такъ гласитъ ученіе. Но, въ настоящее время», пишетъ Фейлеръ, «русскіе люди живутъ въ бѣдности, терпятъ лишения, а мѣстами прямо голодаютъ». Всѣ блага, какъ выражается авторъ, «спрягаются въ будущемъ времени».

Даже въ положеніи рабочаго класса, во имя интересовъ котораго совершена революція и воздвигнутъ режимъ диктатуры, много проблематичнаго. Онъ сносно возраждается, но «съ конца 1927 г., съ тѣхъ поръ, какъ Сталинъ сдѣлалъ поворотъ налѣво, его положеніе опять ухудшилось» Рабочій классъ въ результатѣ революціи имѣетъ несомнѣнно рядъ завоеваній: сокращеніе рабочаго дня, хорошо устроенные клубы, новыя возможности достиженія образованія и т. т. Но съ вопросомъ демократизаціи управления производствомъ дѣло обстоитъ очень неясно. Существуютъ нѣкоторыя демократическія формы, но все это въ рамкахъ диктатуры, и всѣ важныя дѣла въ сущности рѣшаетъ коммунистическая ячейка.

Положеніе другихъ классовъ, конечно, хуже. У крестьянства Фейлеръ констатируетъ упадокъ духа (Entmutigung), ибо оно чувствуетъ, что его работа безплодна.

Если такъ обстоятъ съ богатствомъ, то со свободой обстоятъ еще хуже. «Совѣтское правительство», пишетъ Фейлеръ (стр. 195), «насилъно навязало формы жизни, хозяйства, бытія и мышленія народу въ 150 милліоновъ душъ, безграничной странѣ съ 80%-ми крестьянъ; ничего подобнаго свѣтъ еще не видѣлъ». «Само населеніе живетъ подъ

такимъ режимомъ шпіонажа и доноительства, что почти никто никому не вѣрить, что часто даже коммунисты другъ другу не вѣрятъ; вся страна пребываетъ въ атмосферѣ страха и запуганности, какъ-бы подѣ вѣчнымъ невыносимымъ гнетомъ» (стр. 215).

Съ содроганіемъ описываетъ Фейлеръ судьбу «бывшихъ людей», которымъ оставлены только двѣ дороги: нищенство или самоубійство, но которымъ даже не разрѣшено покинуть страну. И съ ужасомъ отмѣчаетъ авторъ, что эти гоненія распространяются и на дѣтей, и на внуковъ «бывшихъ людей».

Давленіе диктатуры отражается соответствующимъ образомъ и въ духовной жизни. «Уровень мышленія, которое лишено духовнаго тренія, снижается... Вмѣстѣ со свободой мысли падаетъ и ея полетъ» (стр. 268).

Мѣстами, чтобы смятчить удручающее впечатлѣніе, авторъ замѣчаетъ, что все-таки не слѣдуетъ сравнивать теперешней Россіи съ Западомъ, а надо ее сравнивать со старой Россіей. Тогда, быть можетъ, положеніе было немногимъ лучше. Но дореволюціонной Россіи Фейлеръ не знаетъ.

Несмотря на мрачную картину русской дѣйствительности, Фейлеръ не потерялъ вѣры въ большевистскую революцію. Можетъ ли быть социализмъ осуществленъ? Да, отвѣчаетъ Фейлеръ, если у населенія хватитъ терпѣнія, хватитъ вѣры въ теченіе достаточно долгаго времени, или если можно съ помощью насильственныхъ мѣръ «заставить населеніе, если не вѣрить, то терпѣть».

И въ отношеніи диктатуры Фейлеръ настроенъ оптимистично. Ея опасности ему ясны, и сами коммунисты ему говорили, что они не прочь навсегда сохранить этотъ институтъ. Но самъ Фейлеръ считаетъ ее лишь временной необходимостью, онъ вѣритъ, что она изменится. (Внутренней связи между социалистическимъ строительствомъ большевиковъ и режимомъ диктатуры онъ не усматриваетъ).

Въ чемъ, однако, Фейлеръ сомнѣвается, такъ это въ томъ, чтобы большевистскій социализмъ даже послѣ его полнаго воплощенія въ дѣйствительности въ отношеніи производительности труда стоялъ выше, чѣмъ капитализмъ. Но, по его мнѣнію, это совсѣмъ не необходимо. Массы совсѣмъ не настроены такъ материалистично, какъ это полагаетъ марксизмъ. Социализмъ для нихъ «вѣчное евангеліе угнетенныхъ, евангеліе справедливости, свободы и чедовѣческаго достоинства» (стр. 261). Фейлеръ ставитъ вопросъ: «развѣ не предпочтительнѣе согласиться на матеріально болѣе скромную жизнь, если только она является болѣе достойной.» (стр. 262).

Въ чемъ-же выражается эта болѣе достойная жизнь? Фейлеръ въ сущности въ состояніи привести лишь одно преимущество новаго строя: «здѣсь у отдѣльныхъ лицъ или классовъ нѣтъ власти, связанной съ обладаніемъ капиталомъ». Но вѣдь Фейлеру должно было-бы извѣстно, что въ новомъ строѣ могущество властвующей политической партіи вырастаетъ неизмѣрно и выражается въ такихъ грубыхъ формахъ, которыя въ условіяхъ такъ наз буржуазнаго госу-

дарства немислимы, ибо послѣднее строится на основахъ права. Но это возраженіе для Фейлера не имѣетъ силы, ибо онъ не хочетъ видѣть того, что въ самой основѣ большевизма лежитъ режимъ диктатуры.

Однако, въ заключеніе Фейлеръ пытается формулировать идеаль большевизма не въ отрицательной, а въ положительной формѣ. Это идеаль «коллективизація человѣка». Индивидуальности больше нѣтъ, — «существуетъ только масса».

При всей его симпатіи къ революціи у Фейлера, какъ у европейца, дрожь проходитъ по кожѣ отъ этого идеала. Дѣйствительно, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ стадный человѣкъ къ тому, что мы именуемъ человѣческимъ достоинствомъ? Для стаднаго человѣка важно одно, — чтобы его ясли были полны; свобода ему не нужна, и ударъ диктаторскаго бича онъ можетъ воспріять только какъ боль, но не какъ униженіе несуществующаго у него человѣческаго достоинства.

Фейлеръ полагаетъ, что Европа не дооцѣниваетъ той угрозы, которую для нея представляетъ большевизмъ. Намъ представляется, что эта угроза состоитъ главнымъ образомъ въ той китайской стѣнѣ, которой большевики сумѣли отгородить Россію отъ всего міра, и которая даетъ имъ возможность разрисовывать передъ рабочимъ классомъ Запада и передъ его радикальной интеллигенціей картины совѣтскаго рая. Въ тотъ моментъ когда Западъ узнаетъ, какова жизнь въ Совѣтской Россіи, ея обаяніе смѣнится отвращеніемъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать появленія книги Фейлера и пожелать ей широкаго распространенія. То, что она написана принципиальнымъ поклонникомъ революціи, вообще, и большевистской, въ частности, даже увеличиваетъ ея значеніе.

П. Бруцкусъ.

Б. Вышеславцевъ. Сердце въ христіанской и индійской мистикѣ. Парижъ, 1929. Стр. 78.

Брошюра Вышеславцева затрагиваетъ крайне существенную тему. Въ христіанской, главнымъ образомъ мистической, литературѣ вся психологическая жизнь человѣка обычно разсматривается, какъ поверхность надъ нѣкою глубиною, «бездною», какъ определяемъ и порождаемая этою глубиною. Эта «бездна» часто получаетъ названіе «сердца». Судьбы человѣка рѣшаются на этой послѣдней глубинѣ его существа. Именно тамъ опредѣляется человѣкъ къ добру или злу, избираетъ путь божескій или сатанинскій. Въ проблемѣ «сердца», какъ убѣдительно показываетъ Вышеславцевъ, заложена вся проблематика человѣческой свободы. Ибо послѣдняя и глубочайшая свобода есть свобода самоопредѣленія «сердца». Послѣдняя сущность свободы — именно въ опредѣленіи себя къ добру или злу.

Б. Вышеславцевъ набрасываетъ въ рядѣ очерковъ нѣсколько отдѣльныхъ отрывковъ изъ исторіи ученія о «сердцѣ» — въ Библии